

У Крамарова не было косоглазия

Семь лет назад в Сан-Франциско
скончался Савелий Крамаров

который заявил, что за червонец и в мавзолей ляжет.

Свихнувшись, повторял: я — звезда!

Успех Крамарова менее удачливые коллеги пытались объяснить исключительно «косоглазием», а кое-кто утверждал, что актер недалеко ушел от своих экранных персонажей.

— Ерунда! — отрезал в разговоре со мной актер Леонид Куравлев. — Это злобная точка зрения. Не слушайте. Я снялся с Крамаровым в шести картинах и знаю, что он был самобытным и талантливым. Правда, мне Савелий показался закрытым, даже замкнутым.

Не было дружбы и с Гайдаем. Тем не менее режиссер с удовольствием снимал Крамарова в своих лучших комедиях.

— Гайдай очень хорошо относился к Савелию, — рассказывает жена режиссера Нина Гребешкова. — Крамаров не боялся показаться нелепым, смешным, «нефотографическим». Леонид Иович очень ценил это качество в актерах. Савелий легко воспринимал гайдаевские придумки, работал над каждым эпизодом. Например, в «Иване Васильевиче» Гайдай предложил Крамарову три варианта танца его героя, дьяка Феофана, и тот терпеливо попробовал каждый. Леонид Иович искренне сожалел об эмиграции Крамарова. Помимо того, что Гайдай лишился «своего» актера, которых у него было немного, фильмы с участием Савелия перестали показывать.

Крамаров попал в опалу, когда не на шутку увлекся религией и даже купил место в синагоге. Актер отказывался сниматься по субботам, поскольку вера запрещала работать в этот день: как ни настаивал режиссер, актер надевал ермолку — и шел молиться.

В сущности, Сава был плохо образованным дворовым мальчиком и прекрасно понимал это, — вспоминает Варлен Стронгин. — В Америке ему очень тяжело давался язык — в отличие от Видова, с которым он дружил. Но Сава тянулся к искусству, к людям, которые могли ему что-то дать в плане общей культуры, а в конце концов пытался найти ответы на мучившие его вопросы в вере.

— Несомненно, Крамаров был авантюрным, с болезненным самолюбием и в каком-то смысле ограниченным, — размышляет Леонид Куко. — Звездная болезнь его не миновала. Представьте себе, од-

нажды он совершенно серьезно спросил у меня: «Я буду знаменитым, как Никулин?» (с Юрой мы вместе учились). «Вряд ли, — честно ответил я. — Вы совсем разные люди: Юра воевал, и даже когда изображает дурака, в глазах у него светится мысль, а ты — махровый эстражник». Сава обиделся. Потом он сказал мне: «Ты в меня не верил, а я — звезда!» Никулин критически относился к своей славе, а Сава свихнулся. Хотя на экране он был на редкость естественным и органичным. В какой-то момент Крамаров стал мне неинтересен, говорить нам было не о чем. В нем появились стяжательская жилка, меркантильность — а мне эти качества не импонировали.

Тосковал не по России, а по Маше, которой сам и изменил

И в то же время Крамаров забывал о деньгах, когда речь шла о близких людях. За копейки по голливудским меркам снялся в картине «Русский бизнес» — потому что режиссером был его друг Михаил Кокшенов. Ночью звонил из Америки Марку Розовскому, чтобы спросить его размер джинсов — хотел побаловать друга дефицитной обновкой.

Только сыграв больше тридцати киноролей, Крамаров стал владельцем однокомнатной квартиры, подержанного «Фольксвагена» и небольшой коллекции антиквариата. (Ее он оставил любимой женщине Маше перед отъездом в Штаты.)

В начале восьмидесятых жизнь Крамарова стала невыносимой: четыре года актера не снимали, не показывали фильмов с его участием. Поговаривали, что он умер... Терять актеру было нечего: полноценная семья не складывалась, работу не предлагали. И в 1981 году он уехал.

— Конечно, Сава устроил отходную, на которую явились человек тридцать, — делится Стронгин. — Я не пошел. Скажу честно: редактор газеты, где я публиковался, намекнул, что лучше не афишировать дружбу с неугодным актером. Позже Крамаров признался, что не уехал бы, если б его не перестали снимать... На чужбине Сава не тосковал по России. Он тосковал по Маше, и это была единственная эмоция, которой он делился со мной. С Машей, архитектором по профессии, у Крамарова был безумный роман. Она очень помогла ему в жизни. Но слава ударила Саве в голову, он не пережил «медных труб», стал изменять Маше, а потом оставил совсем. Она ему говорила: «Савелий, лучше меня ты все равно не найдешь!» Но успех сделал его самоуверенным. Много лет

спустя Сава несколько раз говорил мне, что разрыв с Машей был самой большой ошибкой его жизни.

Жена заставляла сесть за баранку так

В Америке у него наконец-то появилась семья, родилась дочь Бася, которую он обожал. Очутившись в Штатах, Крамаров первым делом сделал операцию по устранению дефекта века. От пресловутого крамаровского косоглазия не осталось и следа.

— И все равно он имел бешеный успех в кино, особенно в «Красной жаре», где играл вместе со Шварценеггером, — рассказывает Стронгин, — хотя в Союзе усиленно распускали сплетни о том, что Крамаров никому не нужен и всеми забыт. Конечно, на улицах его узнавали только эмигранты, но я убежден, что Сава был счастлив. В 1992-м, когда он приехал в Москву, я увидел совсем другого человека. В Голливуде Крамаров изменился внешне — он выглядел лет на пять моложе. В дорогом костюме, с хорошей стрижкой, спортивный, подтянутый: Сава занимался плаванием и вместе с Видовым совершал ежедневные пробежки по берегу океана. Он стал красивым и интересным. Хотя мы ровесники, на его фоне я ощутил себя глубоким стариком.

В Америке Крамаров женился на бывшей одесситке Марине, с которой его познакомил местный раввин, но брак не стал счастливым. Избранница Крамарова оказалась необычайно предприимчивой особой: она держала собственный магазин. Ходили слухи, что жена заставляла Крамарова работать таксистом в свободное от съемок время. Хотя после «Москвы на Гудзоне» актер не нуждался. Но Марина считала, что деньги нужно зарабатывать постоянно — даже между фильмами. Когда пара отправилась в свадебное путешествие в Париж, Сава с утра до вечера носился по городу, а его жена лежала в гостиничном номере, ссылаясь на усталость. Их непохожесть и стала причиной разрыва.

Незадолго до своей смерти Крамаров встретил эмигрантку Наташу и женился второй раз. Наташа очень любила и ценила Саву. По завещанию ей отошло все имущество Крамарова: прекрасный дом, машина и 180 тысяч долларов на счете в банке.

Савелий Крамаров умер в шестьдесят лет от рака прямой кишки. Проститься с ним пришли немногие — в Сан-Франциско стоял теплый денек и большинство знакомых разбегались отдыхать.

■ Надежда Келлер.

«В кино я играл алкоголиков, хулиганов и придурков», — признавался актер на встречах со зрителями. Несмотря на специфические роли, Крамарова искренне любили. Вторую половину жизни он купался в лучах славы и практически не знал нужды. Судьба словно компенсировала ему безрадостное детство: рано осиротевший Сава сполна хлебнул нищеты и унижений.

Сажал цветы в виде Маркса и Энгельса

От постоянного недоедания мальчик дважды болел туберкулезом. Одевался в обноски двоюродных братьев и плакал от обиды, когда его дразнили сыном врага народа: отец Крамарова мотал срок в сталинских лагерях. С такой анкетой юноше пришлось поставить крест на мечтах об актерской карьере и отправиться в Лесотехнический институт на факультет озеленения. Но грезить о кино Сава не перестал. Идея снять в фильме косоглазого паренька впервые пришла в голову режиссеру Алексею Салтыкову.

— А на самом деле никакого косоглазия у Крамарова не было, — утверждает писатель и друг актера Варлен Стронгин. — А было утолщение века, которое и создавало эффект косоглазия. Сава не торопился избавиться от недостатка и шел на поводу у ре-

жиссеров. А как иначе пробиться сироте, не имеющему никаких связей? Благодаря странной внешности Крамаров был нарасхват. Кстати, дефект века передался по наследству дочке Савы, которая родилась уже в Америке.

— Друзья мягко подшучивали над его косоглазием: «Сава, у тебя на жизнь свой взгляд», — вспоминает писатель Леонид Куко. — Сава тогда учился не в театральном вузе. Мы смеялись над тем, как он выполнял контрольную работу, которую ему задали в институте — в парке высаживал из горшков цветы в виде Маркса, Энгельса. Позже вместе работали в картине «Светофор». По сценарию герою Крамарова снится, что он лежит в гробу, вместо свечки в руках — милейший жезл. Крамаров категорически отказался ложиться в гроб. Якобы бабушка ему наказала никогда этого не делать: счастья не будет. Его заменил осветитель,

Крамаров Савелий
12.06.2002

фото ИТАР-ТАСС